

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена обоснованию подхода к анализу закономерностей организации лексического уровня художественного текста, основанного на антропоцентрическом принципе. Текст рассматривается как особая лексическая система, соотносящаяся с языковой системой, но имеющая свою специфику. В основу предлагаемого метода положены понятия «субъектная сфера текста», «текстовая лексическая тема», «индивидуальный лексикон персонажа». Исследование текстовой лексической темы «Персонаж» позволяет решить две актуальные при обращении к анализу художественного текста задачи: реконструкция модели виртуальной языковой личности во всем объеме ее характеристик (лексикон, тезаурус, прагматикон); разработка приемов анализа закономерностей лексической организации полисубъектного прозаического текста. В статье приводятся результаты анализа индивидуального лексикона языковой личности «Петр Верховенский» (роман Ф. М. Достоевского «Бесы»).

Принцип антропоцентризма относится сегодня к числу приоритетных в лингвистике; из «науки о языковых знаках» лингвистика, по выражению Е. В. Рахилиной, «превращается в науку о челове-

ке»¹. Антропоцентрическая парадигма формируется в результате смены ракурса рассмотрения языковых явлений: от моделирования языковой системы как абстракции высокого уровня к изучению язы-

ка как средства общения, т. е. к изучению «естественной» языковой системы в ее функционировании. Отмечаемая смена акцентов прежде всего отражается на изучении лексической системы, что отчетливо проявляется в работах Ю. Д. Апресяна и Московской семантической школы. Значимы в этом отношении предпринимаемые попытки описания «наивной картины мира» и «наивной модели человека», опирающиеся на анализ функционирования лексических единиц, на их бытование в узусе.

Избрание антропоцентрического принципа на роль ведущего при анализе лексической структуры полисубъектного художественного текста предполагает рассмотрение текста в аспекте его коммуникативной организации. Текст предстает как продукт самого сложного вида коммуникации — коммуникации литературной (В. В. Степанова, Н. Е. Сулименко, Н. С. Болотнова), субъектами которой являются не только автор и читатель, но и персонажи как личности говорящие и слушающие, мыслящие и действующие в «воображаемом» мире, «творимом» текстом. Новые перспективы собственно лингвистического анализа художественного текста в антропоцентрическом аспекте были намечены в работах Ю. Н. Караулова, первым заявившего о возможности и продуктивности рассмотрения персонажа в качестве модели языковой личности. Персонаж художественного текста как обладатель и пользователь «присвоенного» языка (Ю. С. Степанов), как «творец» текстов, отражающих индивидуальную картину мира, является в нашем случае основным объектом рассмотрения.

1. Исследование лексической структуры художественного текста, функциональных свойств лексических единиц, реализованных в нем, строится с ориентацией на внутритекстовую субъектную организацию. «Возможный мир» текста как целого распадается на отдельные, в определенной мере автономные миры — текстовые субъектные сферы — и предстает как сложно координированная сис-

тема субъектных сфер — персонажной и неперсонажной речи². В предлагаемом соотношении **персонажная vs неперсонажная** субъектные речевые сферы мы идем вслед за М. М. Бахтиным, утверждавшим, что речь персонажей и авторская речь лежат в разных смысловых плоскостях: «Персонажи говорят как участники изображенной жизни (...), с частных позиций. (...) Автор — вне изображенного (и в известном смысле созданного (и в известном смысле созданного им) мира)³. Специфика литературной коммуникации, предполагающей наличие двух не пересекающихся уровней «персонаж — персонаж» (изображенная, или виртуальная коммуникация) и «автор — читатель» (коммуникация реальная, несмотря на свою опосредованность), делает обязательным при обращении к анализу лексической структуры художественного текста разграничение внутритекстовых и внетекстовых субъектов. Противопоставление персонажной и неперсонажной субъектных речевых сфер в первую очередь связано с анализом изображенной коммуникации, целью которого является поиск внутренних закономерностей, определяющих членение текста, и выявление функциональных свойств текстового слова как средства презентации «воображаемого» субъекта и «изображаемой» ситуации.

Персонажная субъектная речевая сфера представляет собой сферу виртуального субъекта внутритекстовой коммуникации (говорящего и слушающего); ее образуют тексты, «создаваемые» героем, а следовательно, репрезентирующие фрагменты его картины мира, его точку зрения на изображаемую действительность. **Неперсонажная субъектная сфера** — это также сфера субъекта внутритекстовой коммуникации, т. е. субъекта «изображенной жизни», однако не равного персонажам, занимающего позицию «внешнего наблюдателя» и «судьи» (В. Н. Топоров) по отношению к каждому из них. Неperсонажная субъектная речевая сфера в той или иной мере связана с субъектными сферами персонажей.

Персонажная и неперсонажная субъектные речевые сферы как одноуровневые текстовые подсистемы находятся в отношениях взаимного дополнения. В то же время ни персонажная, ни неперсонажная субъектные сферы текста принципиально не связаны напрямую с автором как внетекстовым («затекстовым») субъектом.

Каждая из субъектных речевых сфер, составляющих текст как целостное образование, число которых определяется составом субъектов внутритекстовой коммуникации, связана с презентацией относительно автономной «точки зрения» на «воображаемую» действительность, или личностной концептосферы (Д. С. Лихачев). Лексическая система текста членится на подсистемы, обслуживающие коммуникативные потребности моделируемых текстом языковых личностей.

Разработка приемов и методов анализа лексической структуры прозаического художественного текста в аспекте его субъектной организации связана с вопросом о членении текста, выделении в процессе анализа семантических сегментов, к числу которых может быть отнесен и «образ героя» (Ю. М. Лотман). Поскольку вопрос этот весьма сложен, что определяет и сложность анализа полисубъектного художественного текста, приоритетным в исследовании является понятие *лексической темы*. Под **текстовой лексической темой** понимается **функциональное внутритекстовое объединение слов, представляющее собой лексический эквивалент содержательной темы текста**.

2. Персонаж может рассматриваться в качестве самостоятельной **содержательной темы текста**, или «единицы сюжетосложения»⁴. Всякая содержательная тема текста в той или иной мере эксплицируется, т. е. обретает в процессе развертывания текста некий лексический эквивалент. **Текстовая лексическая тема «Персонаж» представляет собой совокупность выявляемых в процессе анализа лексической организации тек-**

ста языковых средств, функционально связанных с презентацией субъекта внутритекстовой действительности и содержащих элементы информации об этом субъекте.

Доминантой выделяемого функционального лексического объединения является либо имя собственное, либо другое имя, связанное с идентификацией персонажа в тексте. Имя персонажа в тексте обретает, по выражению Р. Барта, статус «точки стечения и закрепления сем», которые «плавают совершенно свободно, сбиваясь в некие галактики, образованные мельчайшими, причем никак не упорядоченными, единицами информации (...) означающее дробится на частицы вербальной материи, и только сплавившись воедино, эти частицы порождают смысл»⁵. Персонаж, с этой точки зрения, представляет собой «продукт комбинаторики», некую «совокупность сем».

Лексическая тема "Персонаж" определяется лексическим составом текстовых фрагментов, репрезентирующих прямые высказывания героя, которые в совокупности представляют индивидуальный лексикон персонажа.

Понятие **индивидуальный лексикон персонажа** соотносимо с терминологическими сочетаниями *ментальный лексикон* и *внутренний лексикон*, используемыми в рамках психолингвистических и когнитивистских исследований, и нуждается в связи с этим в обязательном уточнении своего статуса.

Понятие **индивидуальный лексикон персонажа**, в силу своей искусственности, не может включаться в означенную систему психолингвистических понятий на сколько-нибудь равных основаниях. Однако оно сопоставимо с наименее специфично определяемым **внутренним лексиконом как словарем** «языковых единиц, известных данному говорящему, характеризующим его как определенную языковую личность»⁶.

Отличительными чертами индивидуального лексикона персонажа как виртуальной модели внутреннего лексикона являются:

1) **наблюдаемость единицы хранения информации**: если в отношении естественного внутреннего лексикона уместнее говорить о единицах, коррелятивных словам обычного языка, не наблюдаемых, но выявляемых экспериментально, то единицей индивидуального лексикона персонажа является слово в его привычном понимании;

2) **закрытость списка**: все «произведенные» персонажем тексты и все использованные им лексические единицы могут быть подвергнуты детальному анализу, что заведомо невозможно в отношении реальной языковой личности;

3) **статичность системы**: однажды смоделированный автором, словарь персонажа не обладает важнейшим признаком любого естественного лексикона — динамичностью.

Отмеченные характеристики свидетельствуют о достаточно высокой степени условности понятия *индивидуальный лексикон персонажа*, что не исключает, однако, его самостоятельной ценности, определяемой тремя обстоятельствами. Во-первых, условность есть неотъемлемый признак индивидуального лексикона как такового, ибо он представляет собой «конструкт, выделяемый в целях более детального научного описания, но в реальности существующий в неразрывном взаимодействии со всеми психическими процессами»⁷. Во-вторых, возможности изучения лексикона реальной языковой личности весьма ограничены в силу вполне понятных причин, чем и определяется ценность индивидуального лексикона персонажа как искусственно смоделированной системы. И, наконец, индивидуальный лексикон персонажа, подобно любому другому лексикону, служит формой представления индивидуального образа мира; различие заключается только в том, что в художественном тексте мы имеем дело с моделью образа мира «возможного» субъекта.

Таким образом, **индивидуальный лексикон персонажа — это репрезентированный в тексте словарь виртуальной языковой личности, или инди-**

видуальная лексическая система («присвоенный язык»), **являющаяся средством экспликации индивидуального образа мира**. Соотношение понятий *ментальный лексикон — внутренний лексикон — индивидуальный лексикон персонажа* может быть представлено следующим образом: *индивидуальный лексикон персонажа* является предельно упрощенной моделью *внутреннего лексикона* и служит средством вербального представления в тексте *ментального лексикона* моделируемой личности, или индивидуальной системы концептов, образов и т. д.

Место, занимаемое внутренним лексиконом в структуре языковой личности, — языковая экспликация концептосферы субъекта — определяет круг задач, с решением которых связано описание индивидуального лексикона персонажа, и основные параметры этого описания.

Приоритетным направлением в анализе является определение специфики внутренней организации лексикона, то есть специфики связей и отношений, складывающихся между словами как единицами «присвоенной» лексической системы. Сам по себе словарь персонажа как список слов, составляющих его дискурс, может сказать о своем обладателе далеко не все⁸. Анализ же соотношения между словами открывает путь к исследованию структуры индивидуальной концептосферы.

Слово персонажа, будучи одновременно единицей текста как целостной структуры и единицей персонажного дискурса (части целого), включено в сложную систему соотношений, сознательно упрощаемую нами в целях анализа: на этапе описания индивидуального лексикона персонажа всякие «выходы» за пределы персонажной субъектной речевой сферы исключаются, и слово героя рассматривается только как единица словаря виртуальной языковой личности.

Специфика слова как единицы индивидуального словаря, «живого слова индивида» (А. А. Залевская), проявляется в том, что оно перестает быть только кон-

венциональной единицей, то есть единицей, имеющей системное значение, в силу неизбежной осложненности индивидуальными смыслами (Е. С. Кубрякова). Как и любое слово в тексте, слово персонажа обретает собственную значимость, нередко выходящую за пределы семантических дефиниций словаря. Сферой существования единицы индивидуально-лексикона, тем, что определяется в трудах Л. С. Выготского и А. А. Леонтьева как «смысловое поле» или «аура» слова, является некоторое объединение слов — кластеры (группы), поля, сети, поскольку «значения функционируют не по отдельности, а в определенных связях»⁹. Объединения слов внутри лексикона далеко не всегда организуются на основании связей, учитываемых при построении системных семантических групп и полей, что доказано многочисленными психолингвистическими экспериментами (работы А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, И. Г. Овчинниковой).

Выявленные в пределах персонажного дискурса лексические парадигмы различной степени сложности (антонимические пары, синонимические ряды, тематические группы, семантические поля) позволят, с одной стороны, описать индивидуальный лексикон как «естественную» систему, обслуживающую коммуникативные потребности конкретной личности и в той или иной мере соотносимую с системой конвенциональных единиц, с другой — дадут объективный материал для анализа лингвокогнитивного уровня организации языковой личности, т. е. для реконструкции фрагментов индивидуального образа мира (ср. ориентацию представителей Московской семантической школы на реконструкцию лексической системы как «собственности» **обобщенного субъекта**, отражающей «наивную» картину мира).

Важным этапом анализа индивидуальной лексической системы является выявление высокочастотных единиц персонажного дискурса. Фактор частотности рассматривается в работах А. Вежбицкой как один из основных показателей «куль-

турной значимости» слова, или роли слова в отражении национальной картины мира¹⁰. Предлагаемая оценка значимости частотного показателя для слова как единицы коллективного тезауруса не менее справедлива и в отношении слова как единицы индивидуальной лексической системы.

Индекс частотности слова в рамках конкретного текста не является показателем самодостаточным, поскольку «содержательный смысл имеет не частота употребления слова сама по себе, но найденное по этим величинам место данного слова среди других слов, его относительная *ценность*»¹¹. Однако представление об иерархических отношениях, складывающихся между единицами текста, позволяющих говорить об особо «ценных», или ключевых, словах, опирается не в последнюю очередь на частотные показатели.

На роль ключевого слова текста могут претендовать далеко не все высокочастотные единицы. В любом тексте (и это находит отражение в частотных словарях) первые позиции по индексу частотности занимают грамматические слова (предлоги, союзы) и местоимения¹². Одно из требований к ключевому слову текста, по Ю. Н. Караулову, определяется как обязательное несовпадение показателя употребительности, отмеченного, с одной стороны, в тексте, с другой — в языке в целом (по данным частотных словарей): «невысокочастотные в языке, но частотные в тексте»¹³.

Выявление набора ключевых слов является важным этапом описания индивидуального лексикона персонажа, поэтому целесообразно более подробно остановиться на основных критериях отбора, т. е. на тех требованиях, которым должно отвечать ключевое слово, помимо критерия *индекс частотности*.

Использование терминообозначения *ключевое слово* в исследованиях различной направленности, неизбежно ведущее к весьма неоднозначным его трактовкам, делает необходимым внести ряд формулировок уточняющего характера.

Прежде всего нужно разграничить два аспекта рассмотрения ключевого слова: 1) ключевое слово как единица текстового фрагмента, репрезентирующего высказывание персонажа, и 2) ключевое слово как единица индивидуального лексикона.

В первом случае в фокус внимания при анализе попадает способность слова выполнять функцию организующего и смыслового центра текстового фрагмента: обозначив тему фрагмента, ключевое слово актуализирует свои системные и ассоциативные связи и оказывает определяющее влияние на его структуру и лексическое наполнение. Влияние ключевого слова ограничено рамками отдельного текстового фрагмента, хотя границы эти могут быть весьма широкими (критерий их установления — раскрытие означенной ключевым словом темы)¹⁴.

Во втором случае степень функциональной нагруженности, или «ценности», слова определяется той ролью, которую оно играет в системе лексических средств, находящейся в пользовании языковой личности. Статус ключевого слова может быть присвоен только единице лексикона, обладающей концептуальной значимостью. Понятие концептуальная значимость слова включает в себя, с одной стороны, семантическую значимость, под которой понимается место, занимаемое словом в системе энциклопедических и лексических знаний индивидуума, т. е. *значение* слова как конвенциональной единицы; с другой — коннотативную значимость, определяемую как положение, занимаемое словом «в системах вторичной семантизации, включающих оценочно-эмоциональные и дополнительные смысловые ассоциации»¹⁵, или личностный *смысл*. Разграничение семантической и коннотативной значимости слова основано на признании того факта, что каждый человек «являет собой малый индивидуальный информационно-речемыслительный мир внутри коллективного информационно-языкового макрокосмоса»¹⁶. Объединение же их в

пределах понятия концептуальная значимость определено требованиями коммуникации: значение и смысл слова должны быть соотнесены.

Концептуально значимой единицей индивидуального лексикона, таким образом, является единица, не только обладающая значением, но также нагруженная индивидуальными смыслами. Определение соотношения между значением слова как единицы коллективного тезауруса и смыслом слова как единицы индивидуального дискурса открывает путь к выявлению специфики семантической организации словаря личности, поскольку в результате изменения значения слово неизбежно приобретает новые семантические свойства и формирует иные семантические группировки.

Между двумя подходами к определению ключевого слова в случае, когда объектом анализа является, с одной стороны, художественный текст и, с другой, — индивидуальный лексикон персонажа как лексическая составляющая этого текста, нет жестких границ. Однако во избежание их «наложения» друг на друга в дальнейшем концептуально значимые единицы индивидуального лексикона обозначаются как его смысловые доминанты.

Аспекты описания индивидуального лексикона могут быть различными. Ориентация на реконструкцию языковой личности персонажа во всей совокупности ее характеристик, эксплицированных в тексте, определяет параметры описания индивидуального словаря персонажа. Одновременный учет двух основных критериев — индекс частотности и смысловая нагруженность слова — позволяет, во-первых, выявить смысловые доминанты словаря персонажа и, во-вторых, определить состав организуемых этими доминантами лексико-семантических объединений, отражающих своеобразие устройства индивидуальной лексической системы.

Следующим шагом в описании индивидуального лексикона становится выявление специфики организации текстовых

семантических полей. Текстовое семантическое поле является языковым эквивалентом некоторого фрагмента индивидуального образа мира виртуальной языковой личности.

Таким образом, в сфере анализа последовательно вовлекаются единицы индивидуального лексикона разного уровня — слово, семантико-тематическая группа и индивидуальное семантическое поле. Именно последовательность перехода от частного к общему может явиться гарантом полноты и объективности описания.

3. Предлагаемый подход к исследованию художественного текста, основанный на антропоцентрическом принципе, был реализован в анализе лексической структуры романа Ф. М. Достоевского «Бесы». В тексте романа выделено 626 фрагментов, принадлежность которых к субъектной речевой сфере Петра Верховенского специально маркирована: абсолютное их большинство связано с презентацией прямых высказываний персонажа (605 ТФ). Индивидуальный лексикон (далее — ИЛ) персонажа, составленный на основе сплошной выборки знаменательных слов в пределах обозначенных текстовых фрагментов, включает 3014 слов, представленных в 13811 употреблениях. Общее количество единиц словаря П. Верховенского позволяет отнести его к «средней» языковой личности, которая, согласно экспериментальным наблюдениям Ю. Н. Караулова, «для активного повседневного общения использует около 2 тысяч слов», обеспечивающих ей «понимание всего богатства русского языка, а значит, взаимодействие ее индивидуальной сети с любой другой индивидуальной сетью»¹⁷.

В основу первичной классификации отобранного лексического материала положен подход, предлагаемый авторами «Русского семантического словаря»¹⁸. Весь словарный состав языка членится на четыре основных макрокласса: 1) слова указующие; 2) слова именующие, или слова, «за лексическими значениями которых стоит понятие о предмете, признаке, состоянии или процессе»; 3) слова

собственно связующие и 4) слова собственно квалифицирующие. Основу ИЛ составляют лексические единицы, относящиеся к первым двум классификационным рубрикам, привлекается к анализу и группа слов собственно квалифицирующих — модальные слова. За пределами рассматриваемого материала остались: класс слов «собственно связующих», иноязычная лексика, а также онимы, связанные с персонажами романа (другие имена собственные рассматриваются на общих основаниях).

Вторичной — семантико-тематической — классификации были подвергнуты лексико-грамматические макроклассы: «Слова указующие», «Слова, именующие предмет: все живое, вещь, явление» и «Слова, именующие признак процессуальный».

Целесообразность рассмотрения «слов указующих» в качестве самостоятельного фрагмента ИЛ определяется той особой ролью, которую они играют в процессе познания человеком окружающего мира. Местоименное слово, по замечанию Н. Ю. Шведовой, является единицей двусторонней, полифункциональной, поскольку оно одновременно обращено «как в область высших абстракций, так и в мир бесчисленных языковых сущностей» и в силу этого способно не только обозначить «глобальные понятия физического и духовного мира», но и отразить уровень их «познанности» субъектом»¹⁹. Анализ особенностей функционирования в речи персонажа местоименных слов может позволить в самых общих чертах определить, насколько «познанным» (или «непознанным») для него является окружающий мир, насколько уверенно он себя чувствует в этом мире.

Представление «слов именующих» (имен существительных и глаголов) не в виде списка, но в составе иерархически организованных семантических подмножеств позволяет выявить смысловые доминанты лексикона личности как дескрипторы индивидуального тезауруса и специфику наполнения каждой тезаурусной области.

Так, в результате классификации лексико-грамматического макрокласса «имена существительные», основанной на учете семантических, частотных и отчасти функциональных характеристик слов, в пределах ИЛ П. Верховенского были выявлены наиболее объемные и частотные семантические объединения, к числу которых относятся: «человек», «оценка», «речь» и «время». Проведенный анализ показал также, что несомненной концептуальной значимостью обладают в лексиконе персонажа 12 слов: *общество, Бог, бумага, деньги, сила, мысль, ум, слово, донос, общее дело, правда и шигалевщина*. Именно эти лексические единицы являются смысловыми доминантами ИЛ персонажа. Семантическая классификация единиц макрокласса «слова, именующие признак процессуальный» определила роль смысловых доминант во внутренней организации индивидуальной лексической системы. Значительная часть глагольной лексики выполняет в дискурсе персонажа функцию средств экспликации взглядов индивидуума на сферу социальной жизни, на межличностные отношения, т. е. соотносится со смысловыми доминантами общество, общее дело и шигалевщина.

На роль смысловых доминант ИЛ П. Верховенского в ряду глагольной лексики могут претендовать два высокочастотных слова — *беспокоиться* и *бояться*. Концептуальная значимость этих единиц лексикона определяется прежде всего тем, что в речи персонажа они выполняют функцию экспликации самооценки говорящего и могут рассматриваться в числе средств вербального выражения «Я—концепции» (концепт "Эго").

Число полных слов ИЛ П. Верховенского, подвергшихся детальному частотному и семантическому анализу (73,1% от общего количества единиц словника), послужило основанием для перехода к характеристике таких фрагментов словаря личности, как индивидуальные семантические поля.

Алгоритм группировки некоторого множества единиц словаря персонажа в

пределах индивидуального семантического поля полностью соответствует принятому в системных исследованиях: поле формируется в процессе поэтапного перехода от объединения наиболее близких в семантическом отношении единиц (синонимов, гипонимов, квазисинонимов, антонимов) к объединению единиц, связанных отдаленными или опосредованными семантическими отношениями. Основой для определения смысловой близости единиц индивидуального лексикона служит текстовая комбинаторика: личностный смысл слова выявляется в результате анализа его функционирования в рамках персонажного дискурса.

Семантическое поле как элемент лексической системы строится в ходе структурирования материала, отобранного из принципиально «обезличенного» массива текстов; все индивидуальные черты личности, «стоящей за текстом» (Ю. Н. Караулов), в идеале должны быть стерты. Языковое семантическое поле отражает системность мира и его познание «коллективным субъектом». Специфика индивидуального семантического поля, построенного на основе связей и отношений, складывающихся между единицами конкретного дискурса, определяется сохраняющейся связью с «живым сознанием» познающей мир личности.

Индивидуальное семантическое поле как объединение слов, служащих вербализации фрагмента образа мира личности, в полной мере соответствует идее поля как таковой, поскольку в анализе семантико-тематических групп неоднократно устанавливалась непрерывность связей единиц индивидуального лексикона, т. е. принципиальное отсутствие замкнутых группировок. Структурная организация лексических единиц в составе индивидуального семантического поля, равно как и в составе поля системного, предполагает наличие ядерной и периферийной зон, а также зон с более тесной семантической связью — парцелл (термин Ю. Н. Карау-

лова), или субполей. Наполнение стандартной структуры — имя поля, его ядро, количество и объем составляющих поле субполей — обусловлено своеобразием «взгляда на мир» персонажа как языковой личности.

Роль «излучающих свет звездообразных ядер» (Й. Трир) в рамках индивидуального лексикона П. Верховенского выполняют концептуально значимые слова, или смысловые доминанты. В ряду организуемых смысловыми доминантами семантических объединений статус индивидуального семантического поля может быть присвоен объединениям «Человек», «Оценка» и «Время».

Самым объемным образованием в лексиконе Верховенского является индивидуальное семантическое поле «Человек», в котором объединены около 2000 единиц ($\approx 66\%$ словаря личности). Ядро поля составляют наименования человека или совокупности лиц; причем имена эти по преимуществу предполагают актуализацию социально значимых характеристик индивидуума (сословное положение, общественные связи и отношения, профессия, отношение к общественным движениям и др.).

В структуре поля выделяются пять взаимно пересекающихся, но сохраняющих относительную самостоятельность субполей, каждая из которых соотносится с представлением об одной из ипостасей человека, или «систем человека» (Ю. Д. Апресян): «человек физиологический и физический», «человек психоэмоциональный», «человек интеллектуальный», «человек социальный» и «человек говорящий».

Субполе «Человек физиологический и физический» объединяет средства вербального означивания физиологических состояний и реакций человека на внутренние и внешние раздражители, а также обозначения совершаемых субъектом физиологических и физических действий. Ядерная зона субполя представлена «наименованиями тела, его частей, биологических элементов организма». Структурными элементами субполя яв-

ляются такие семантико-тематические группы (СТГ), как «наименования признаков, определяемых физической природой и состоянием человека», «глаголы бытия», «глаголы физиологических действий», «глаголы движения» и др. (более 350 единиц). При отсутствии в составе этого семантического объединения слов, отмеченных концептуальной значимостью, обращает на себя внимание высокая степень их востребованности в речи персонажа; это замечание прежде всего должно быть отнесено к средствам вербального обозначения пространственных перемещений субъекта и действий, направленных на объекты окружающего мира. Субполе «Человек физиологический и физический» занимает особое положение в структуре семантического поля, поскольку составляющие ее единицы в большей степени (но не исключительно) связаны с презентацией жизни «тела», в то время как четыре другие парцеллы объединены ориентацией на вербальное представление аспектов духовной сферы человеческого существования.

Субполе «Человек психоэмоциональный» объединяет лексемы, используемые в речи Верховенского в роли средств презентации ситуативно значимой информации о собственном эмоционально-психофизиологическом состоянии или о состоянии собеседника, а также средства экспликации различного рода желаний и потребностей личности, говорящего или адресата. Ядерную зону субполя составляют «наименования эмоций, состояний и их внешних проявлений». Значимой составляющей субполя являются СТГ, объединяющие средства наименования «черт характера» и «признаков человека, определяемых его характером». Ядерная и периферийная зоны отмечены преобладанием в их составе средств означивания эмоций и состояний отрицательной модальности; к типу отрицательно окрашенных эмоций и состояний относятся и выявленные смысловые доминанты *беспокоиться* и *бояться*.

В иерархии «систем человека», предлагаемой Ю. Д. Апресяном, желания и эмоции занимают соответственно пятую и седьмую позиции (из восьми возможных), т. е. оцениваются как «системы» более сложные, а следовательно, требующие бóльшего количества «обслуживающих» лексических и грамматических единиц²⁰. Общий объем субполя «Человек психоэмоциональный» (≈ 380 единиц) практически равен объему средств, связанных в индивидуальном словаре П. Верховенского с представлением «человека физиологического». Этот факт может расцениваться как свидетельство по меньшей мере равной значимости для индивидуума двух ипостасей человека — «телесной» и «психической».

Субполе «Человек интеллектуальный», организуемое смысловыми доминантами *мысль/ум*, включает «наименования единиц мысли, ментальных процессов и состояний» и лексемы, связанные с вербальным означиванием мыслительной деятельности. «Человек интеллектуальный» занимает в индивидуальной картине мира П. Верховенского заметно более скромное место в сравнении с «человеком физиологическим» и «человеком психоэмоциональным», свидетельством чего является общее число лексических единиц, составивших парцеллу (≈ 180).

В сферу интересов персонажа, как показал анализ СТГ, организуемых смысловыми доминантами индивидуального лексикона *общество, общее дело, сила и шигалевица*, попадает прежде всего социальная ипостась человека, человек как «общественная единица». Субполе «Человек социальный», объединяющее эти группы, включает в себя четвертую часть единиц семантического поля «Человек» (≈ 500).

Речь является разновидностью социальной деятельности человека и определяется в иерархии «систем человека» как наиболее сложная. Уровень сложности «системы» и неоднократно отмечаемая в анализе роль слова в картине мира персонажа послужили основанием относительно изолированного рассмотрения

субполя «Человек говорящий» как структурной составляющей индивидуального семантического поля «Речь». Ядро субполя «Человек говорящий» представлено двумя СТГ: «наименования речевой деятельности и единиц речи» и «глаголы речевой деятельности»; ее основу составили «имена коммуникативных ситуаций», «наименования речевых и литературных жанров», «наименования единиц информации» и др. (≈ 400 единиц). Наблюдения за функционированием в дискурсе Верховенского смысловых доминант *слово, бумага, донос* позволяют говорить об отсутствии сколько-нибудь четко определенной границы между субполями «Человек делающий» и «Человек говорящий»: *слово* и *дело*, причем дело по преимуществу общественно значимое, переплетены в картине мира персонажа столь тесно, что не всегда корректно говорить об антитезе слово ↔ дело, хотя в ряде случаев оппозиция все-таки прослеживается.

Состав и структура индивидуального семантического поля «Человек» в целом дают достаточно полное представление о фрагменте образа мира П. Верховенского, экспликации которого это поле служит в его дискурсе: очевидны, во-первых, ориентация личности на решение социальных проблем разного уровня (в микро- и макросоциуме), во-вторых, несколько пренебрежительное отношение к интеллектуальной деятельности при повышенном внимании к сфере «телесной» и «эмоциональной» и, наконец, особая роль, отводимая личностью слову — произнесенному и написанному, своему и чужому.

Круг слов, составивших индивидуальное семантическое поле «Оценка», не может быть очерчен с той же степенью определенности, что и в случае с семантическим полем «Человек», поскольку в роли средств экспликации субъективной оценки в дискурсе персонажа используются единицы, входящие в состав различных СТГ.

Необходимость относительно изолированного рассмотрения лексических

средств, связанных с экспликацией субъективной оценки, определяется тем, что оценка по преимуществу характеризует самого субъекта, ее выражающего, его отношение к миру²¹.

Ядро индивидуального семантического поля «Оценка» составляют «наименования собственно оценки» и примыкающая к ним группа зоонимов, а также слова с оценочно-квалификационным значением; оценочная лексика широко представлена и в лексико-грамматическом макрокласе «слова, именующие признак непроцессуальный (прилагательные, наречия, компаративы)» (всего ≈ 400 единиц).

В роли объекта оценки в дискурсе Верховенского в большинстве отмеченных случаев выступает человек (общество) и совершаемые им поступки, что свидетельствует о тесной связи индивидуальных семантических полей «Человек» и «Оценка». Распределение выявленной оценочной лексики на условной шкале «характер даваемых оценок» — позитивная vs. негативная — свидетельствует о несомненном преобладании в дискурсе персонажа негативных оценок.

Оценочная лексика как отдельный фрагмент индивидуального лексикона (ядро поля) и средства экспликации оценки, используемые в речи персонажа в целом (периферия), характеризуют П. Верховенского, во-первых, как личность, склонную к вербальному выражению оценки, и, во-вторых, как личность с конфликтным стилем мышления, критически настроенную по отношению к окружающим людям и миру.

Третье семантическое поле — «Время» — значительно уступает двум другим в объеме: в составе поля насчитывается около 100 единиц. Однако его значимость как самостоятельного фрагмента ИЛ определяется количеством высокочастотных единиц (16). Анализ состава и особенностей функционирования единиц семантического поля «Время» позволяет сделать вывод об особой цен-

ности времени в картине мира личности и об ограниченности временного локуса: сфера интересов личности находится в настоящем (*сегодня, нынешний, последний*) либо в недавнем прошлом (*вчера, недавний, накануне* и др.) и ближайшем будущем (*завтра, послезавтра, скоро* и др.).

Завершающий этап анализа лексикона персонажа, связанный со структурированием отобранного материала в индивидуальные семантические поля, позволил установить основной принцип организации индивидуального лексикона. Основу словаря Верховенского составляет иерархически организованное индивидуальное семантическое поле «Человек», представленное пятью взаимно соотносящимися субполями. Центрами субполей являются выявленные в результате анализа функционирования в дискурсе персонажа высокочастотной лексики смысловые доминанты **общество, общее дело, сила, шигалевщина, беспокоиться, бояться, мысль/ум, слово, бумага и донос**. Таким образом, каждое субполе может рассматриваться одновременно как средство экспликации общего концепта — «Человек» — и частных концептов, означенных смысловыми доминантами. Иначе говоря, индивидуальное семантическое поле «Человек» представляет собой концептуализированную область (Ю. С. Степанов), или контекст существования совокупности микроконцептов. Другой основой единства словаря персонажа является семантическое поле «Оценка»: оценочная лексика, входя в состав различных СТГ, пронизывает практически всю индивидуальную лексическую систему. Без учета особенностей функционирования средств экспликации субъективной оценки не может интерпретироваться ни один из личностных концептов.

Таким образом, систематизация лексического материала, составляющего текстовые фрагменты, принадлежность которых к субъектной сфере персонажа синтаксически маркирована (прямая

речь), позволила выявить относительно автономную лексическую составляющую текста — индивидуальный лексикон персонажа.

Индивидуальный лексикон персонажа составляет основу особой **текстовой лексической темы** — «Петр Верховенский», — эволюционирующей в процессе линейного развертывания текста: по мере продвижения по синтагматической оси единицы индивидуального словаря, рассредоточенные в текстовом пространстве, накапливаются и формируются в некоторую структуру, которая связана с именем собственным персонажа.

Дальнейший анализ текстовой лексической темы «Петр Верховенский», имеющий целью реконструкцию модели виртуальной языковой личности во всем

объеме характеристик — с ее лексиконом, тезаурусом и прагматиконом, — предполагает выход за пределы одной субъектной речевой сферы. Лексическую тему «Персонаж» можно рассматривать и как одну из сквозных тем художественного текста, приоритетных в организации его структуры, поскольку, повторяясь и развиваясь на значительном текстовом пространстве, она составляет основу целостности текста.

Таким образом, антропоцентрический принцип, будучи примененным к анализу художественного текста, открывает новые перспективы как в исследовании закономерностей структурной организации полисубъектного прозаического текста, так и в изучении уникальной языковой личности — субъекта внутритекстовой коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. С. 17.

² Степанова В. В. Субъектная организация художественного текста и анализ его лексической структуры // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 311.

⁴ Реформатский А. Опыт анализа новеллистической композиции // Семиотика. Антология. 2-е изд. М., 2001. С. 489.

⁵ Барт Р. S/Z. М., 1994. С. 34–35.

⁶ Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991. С. 91.

⁷ Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2000. С. 166.

⁸ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 96.

⁹ Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 2000. С. 115.

¹⁰ Вежбицкая А. Семантические универсалии в описании языков. М., 1999. С. 282.

¹¹ Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. М., 1988. С. 20.

¹² Частотный словарь современного русского языка / Под ред. Л. Леннгрен. Uppsala, 1993.

¹³ Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция языковой способности. М., 1992. С. 157.

¹⁴ Чурилина Л. Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). Магнитогорск, 2000. С. 32–42.

¹⁵ Пиотровский Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб., 1999. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993. С. 247.

¹⁸ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1998.

¹⁹ Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995. С. 34.

²⁰ Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 45.

²¹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

L. Churilina

**THE ANTHROPOCENTRIC PRINCIPLE IN INTERPRETING
LEXICAL STRUCTURE IN A WORK OF ART**

*The paper conceptualizes an anthropocentric approach to lexical analysis of text structure in works of art. Text is treated as a specific but related to linguistic lexical system. The procedure in question starts from concepts of «subject text domain», «lexical text theme» and «individual character vocabulary». Interpretation of the «character» lexical theme deals with the two important issues of textual analysis in a work of art: reconstructing the virtual linguistic person pattern in a range of parameters (vocabulary, thesaurus, pragmatics); developing analytical techniques for lexical structure in a multi-subject prosaic text. The paper describes analytical findings for the individual vocabulary of Petr Verkhovensky (in F. M. Dostoevsky's *Demons*) as a linguistic person.*